

Тема 3.1 Этногенез белорусов и происхождение названия «Беларусь»

Основные гипотезы о происхождении белорусов.

Этапы формирования белорусской нации. Факторы, повлиявшие на генезис и дальнейшее развитие. Белорусы в мире, диаспора.

Белая Русь - Белоруссия - Беларусь. Версии происхождения названия.

Языковая политика. Билингвизм - характерная черта современной белорусской нации. Исторические примеры двуязычия.

Основные гипотезы о происхождении белоруссов.

«Племенная» или «кривичско-дреговичско-радимичская» концепция. Суть: белорусский народ происходит от восточнославянских племён (союзов племён) – кривичей, дреговичей, радимичей, отдельных групп иных славян, а также групп неславянского населения. Автором этой первой научной концепции этногенеза белорусов является Евфимий Фёдорович Карский. В окончательном варианте концепция была изложена в первом томе его знаменитых «Белорусов» в начале XX в. Согласно с концепцией профессора (а позднее академика) Е.Ф. Карского белорусы являются третьим самостоятельным восточнославянским народом, который сформировался в XIII в. на основе трёх славянских племён (кривичей, дреговичей и радимичей) с участием неславянских элементов (некоторых племён балтов) и отдельных групп других восточных славян. Их этническое сближение началось в эпоху политической раздроблённости Киевской Руси, а окончательное слияние в одну, беларускую народность, произошло в период Великого Княжества Литовского в XIII – XIV вв. Балтские лексические элементы в беларуском языке Е. Карский объяснял взаимодействием беларуских диалектов с литовскими в эпоху вхождения беларуских территорий в состав ВКЛ. Первые черты белорусского языка фиксировались им с XII века.

Одним из вариантов «племенной» концепции является «кривичская» теория происхождения белоруссов. Автор её, – Вацлав Ластовский (научный псевдоним Власт), – главным этническим компонентам белорусов называл кривичей, которые создали самостоятельные Полоцкое, Смоленское и Псковское княжества. По его мнению именно кривичские диалекты стали основой белорусского языка. Беларуский народ, таким образом, народ кривицкий. В. Ластовский пропагандировал идеи о возвращении «исконного» названия нашей страны – Кривия. Национальное движение начала XX в. и государственное строительство в Беларуси после революционных событий 1917 года способствовали определённой популяризации «кривичской» концепции В. Ластовского, которая в дальнейшем не получила широкого распространения.

Концепция Е.Ф. Карского легла в основу официально принятой в советской исторической науке трактовке происхождения белорусов. С теми или иными отличиями она встречается в публикациях А.П. Пьянкова, Н.С.

Державина, В.Н. Перцева, М.Я. Гринблата, В.Т. Пашуты, Е.И. Корнейчика и др.

С начала 50-х гг. XX в. формируется концепция о древнерусской народности как общей этнической колыбели трёх братских восточнославянских народов – русских (великорусов), украинцев и белорусов. Происходит корректировка официальной советской концепции этногенеза белорусов. Происхождение белорусов выводится уже не непосредственно от летописных племён кривичей, дреговичей, радимичей с участием отдельных групп других славян и балтского населения. Согласно этой концепции белорусы формируются после прохождения ещё одной промежуточной стадии развития – стадии объединения всех славянских племён Восточной Европы в единую общность, названную «древнерусской народностью». Древнерусская народность сформировалась на основе восточнославянских племён, просуществовав с период с IX по XIII вв. Восточные славяне разделились на три части и образовали три близкородственные, но самостоятельные народа в результате неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств – татаро-монгольского нашествия и потери древнерусской государственности.

Указанная концепция (сама идея обычно приписывается лично И.В. Сталину) должна была подчеркнуть единство восточных славян в прошлом, тем самым обосновать идею формирования новой исторической общности – советского народа. О формировании советского народа наиболее широко начали говорить во времена правления Н.С. Хрущёва. Указанная концепция продолжает своё существование в отдельных публикациях до сегодняшнего времени.

Теория балтского субстрата В. В. Седова была основана на идеи, которую развивали и обосновывали российские учёные ещё дооктябрьского периода. Суть её состояла в том, что славяне не являются автохтонным населением Восточной Европы. До прихода в Восточную Европу славян эти территории были заселены разными этносами: земли будущей России – финно-уграми, земли будущей Украины – тюрками, а земли будущей Беларуси – балтами. В. В. Седов считал, что дославянское население оказало влияние на этническое развитие славян Восточной Европы, т.е. стало для них этническим субстратом. В отношении Беларуси он доказывал совпадение территории расселения балтов с территорией формирования белорусского этноса.

До В.В. Седова близкие идеи были озвучены белорусским историком-эмигрантом Витовтом Тумашем, который под псевдонимом Симон Брага в 1950 г. издал работу под названием «Балтский элемент в становлении современного белорусского народа». Но в отличие от более поздней академической работы московского археолога упомянутая работа имела выраженный политический контекст.

Политический контекст имеют великорусская (основные представители: А.И. Соболевский, И.И. Срезневский, Вл.И. Даль и др.) и польская (основные представители: Л. Голембиовский, И. Штриттер, С. Линде, А. Рыпинский и

др.). Суть обеих теорий этногенеза белорусов одинакова: белорусам было отказано в праве на этническую самостоятельность, они признавались частью соответственно русского или польского народов в зависимости от того, сторонником какого цивилизационного начала выступал тот или иной автор.

Этапы формирования белорусского народа

Доисторический этап. Самый древний период – период индоевропейского единства, общности, которая существовала в эпоху бронзового века (III – II тысячелетие до н. э.) на территории Евразии. Указанная общность включала в себя общих предков армян, славян, балтов, греков, германцев, кельтов, романцев, хеттов, иранцев и др.

Следующий период – балто-славянский. Самые близкие языки среди индоевропейских – языки балтской и славянской языковой групп. Это позволяет предполагать существование в эпоху раннего железного века (I тысячелетие до н. э.) единой общности предков всех славянских и балтских народов.

Существуют две основные теории о славянской прародине и соответственно культурах, которые претендуют на данную славянскость – висло-одерская и припятско-днепровская. Висло-одерская теория была сформулирована в работах представителей польской науки у 30–50-х гг. XX в. Суть висло-одерской теории сводится до того, что праславяне сформировались между Одером и Вислой, а в первых столетиях нашей эры они начали расселяться на юг, восток и запад. Авторами данной концепции был польский археолог Ю. Костшевский и поддерживавший его польский лингвист Т. Лер-Сплавиньский. Согласно их трактовке, первой протославянской культурой была лужицкая культура эпохи бронзового века, а собственно славянскими, якобы производными от её, поморская и пшеворская культуры железного века.

Однако в своё время ещё Л. Нидерле подчёркивал исключительную важность беларуско-украинского Полесья в качестве одной из более древних частей славянской прародины. Очень много основательных аргументов на пользу Полесья и Верхнего Поднепровья в качестве исходной территории праславянской общности привёл К. Машиньски. Он убедительно доказал, что именно Полесье сохранило наиболее реликтовые формы праславянского языка и праславянской культуры. По данным лексикологии определено, что носители общеславянского языка были хорошо знакомы со смешанным лесом умеренной климатической зоны, её флорой и фауной, её озёрами и болотами, но что они не знали моря и жили в стороне от морских побережий, а также горных местностей и степей. Лингвистический анализ показал, что праславяне жили в непосредственном соседстве с более древними балтскими племенами. Особенно плотными славяно-балтские контакты были в столетия, которые предшествовали нашей эре и в первые века нашей эры.

Если принят выше изложенную аргументацию, то на роль исходной праславянской культуры идеально подходят древности милоградской археологической культуры, которая существовала в раннем железном веке на территории южной Беларуси и северной Украины. Языковеды относят

начало плотных славяно-иранских связей к середине I тысячелетия до н. э. Очень показательны и то, что население милоградской культуры из ранней фазы своего существования и до III в. до н. э. имело плотные связи с ираноязычными скифами. Это очень хорошо объясняет факт раннего ирано-праславянского лингвистического взаимодействия.

Окончательный же процесс оформления собственно праславянской, а затем и раннеславянской общности, связанный с познезарубинецкими (вторая половина I – II в. н. э.) и производными от их древностями киевского культурного круга (II – первая половина V в. н. э.). Немецкий археолог И. Вернер ещё в 1972 г. высказал предположение о формировании праславянского массива населения на территории лесной зоны Восточной Европы, на Полесье, у Южной Беларуси, перед появлением славян на исторической арене.

На сегодняшний день доказано, что самые ранние комплексы бесспорно славянской, пражской культуры находятся на белорусском Припятском Полесье – согласно радиоуглеродному методу они датируются IV в. Сейчас это самые древние, бесспорно славянские памятники на Земле. Также доказано, что эти славянские древности возникли на основе памятников познезарубинецкой традиции типа Кутова–Радость на западном Полесье и типа Курадава в его Турово-Пинской части. Комплексный анализ памятников I – IV вв. из территории Центрального Полесья позволяет утверждать, что в III – IV вв. развитие памятников типа Курадава явилось основой или одним из важных источников формирования в Припятском Полесье памятников пражской культуры.

Таким образом, Припять на сегодняшний день рассматривается не как река славяно-балтского пограничья, а как внутренняя, более важная артерия пражской культуры на раннем этапе её развития.

Преимущественное большинство современных археологов-славистов считает, что реки славянской прародины – это не Висла и Одер, а Припять и Днепр – белорусско-украинское Полесье, Среднее (украинское) и Верхнее (Гомельщина и юго-восток Могилёвщины) Поднепровье. Именно отсюда в течение последующих столетий происходило освоение, завоевание и колонизация славянами других европейских земель. Так что действительно – славянский язык зазвучал впервые в мире на землях южной и юго-восточной Беларуси.

Таким образом, очень важным этапам нашего протоисторического бытия является период общеславянского единства. Это время существования единой славянской общности, формирования самостоятельного славянского языка, самосознания и культуры (IV – VIII в. н. э.). Именно земли Белорусского Полесья – от Бреста на юго-западе и Гомеля на юго-востоке, являются наиболее древней частью славянской прародины. Белорусское Полесье – исходная территория, где произошло рождение и оформление общеславянской общности.

Правда и то, что Верхнее Понеманье и Белорусское Подвинье – это те земли, которые были заселены балтами не только в эпоху раннего железного века, но ещё (частично) и в раннем Средневековье. Здесь славянская колонизация столкнулась с балтской стихией, что существенно повлияло и на

антропологию и на фольклор, и на материальную культуру наших предков. Отрицать это бессмысленно. Это факт. Потому теория о балтском субстрате, как один из более важных определяющих факторов, который повлиял на процесс формирования отдельной этно-лингвистической восточнославянской (белорусской) общности, отдельного восточнославянского языка, который сейчас называется белорусской, также имеет полное право на жизнь. Научная теория, сформулированная московским археологом В.В. Седовым, основывается на большой источниковедческой базе. Также верно, что эта теория имеет и спорные моменты, и ошибочные утверждения. Нельзя отрицать участие балтского субстрата в формировании протобелорусских черт части славянского населения будущей Беларуси в эпоху средневековья. Но одно – признавать влияние балтского субстрата на процесс формирования нового восточнославянского народа, в первую очередь его языка и материальной культуры, как это делал В.В. Седов, и совсем второе – утверждать, что современные белорусы предъявляются народам не славянским, а балтским.

Но нет и никаких оснований преувеличивать балтское влияние, делать его определяющим фактором белорусского этногенеза. Данные генетики свидетельствуют о безусловной славянскости белорусского этноса.

В ходе освоения, заселения и развития общеславянской общностью земель Восточной Европы возникли этнические новообразования, которые существовали в IX – XII вв., обычно в научной литературе их называют племенами, союзами племён. На севере и северо-востоке Беларуси существовало мощная этническая общность кривичей, на востоке и юго-востоке жили радимичи, земли центральной и южной части страны были освоены дреговичами и волынянами. На северо-западе и севере Беларуси в то время проживали племена балтов (предков современных литовцев, ятвягов и части латышей (латгалов). Восточные славяне, которые были более развиты в цивилизационном плане чем балты, имели собственную государственность уже в то время, стремились к подчинению своих соседей и колонизации их этнических территорий. Восточнославянские общности, как на территории Беларуси, так и Украины и части европейской России, вошли в состав государства, которое имело совместное название Русь и управлялось династией князей Рюриковичей.

Более важной проблемой является вопрос о времени возникновения и существовании древнерусского самосознания. Употребление термина «Русь» в этническом смысле ко всем восточным славянам в IX – середине XII в. не подтверждается аутентичными письменными источниками. Сама проблема использования полисемантического термина «Русь» в послевоенное время в советской историографии была искусственно запутана, когда вопреки и лингвистическим, и археологическим, и письменным источникам отказывались от скандинавских истоков этого названия, а Нестора в полемическом задоре едва ли не провозглашали фальсификатором.

Термин «Русь» в отношении населения Беларуси первоначально являлся этносоционимом и означал принадлежность к княжескому дому, дружине и купечеству. Это касается также и Полоцкой земли.

Распространение христианства в конце концов привело к возникновению новой этноконфессиональной идентичности в восточнославянском регионе. Появление Киевской митрополии и крещение в «русскую» веру способствовало нивелированию бывших племенных этнических отличий. Понятия «русский» и «христианин» с течением времени стали взаимозаменяемыми словами-синонимами. В течение XI – началу XII в. христианство прочно закрепилось в городах, о чём убедительно свидетельствуют материалы археологических источников. Письменные источники, созданные на территории Беларуси в конце XII в., позволяют говорить о постепенном усвоении новой системы этноконфессиональной самоидентичности населением городов.

Показательно, что именно в середине XII в. «умирает» и племенная этническая самоидентификация, со страниц летописей исчезают кривичи, дреговичи, радимичи. Имея в виду это время, можно вести разговор о новом этапе в этнической истории Беларуси в масштабах всей страны. Согласно наблюдениям М. Пилипенко: «возникновению этнической территории белорусского народа непосредственно предшествовало образование двух частей восточнославянской этнической территории – поприпятской и подвинско-поднепровской, которые сформировались к середине XII в. В этих частях восточнославянской этнической территории появились многие элементы традиционной культуры и языка белорусского народа. На её базе формировалась уже собственно белорусская этническая территория. Формирование первоначальной (центральной) части этнической территории белорусов происходило в XIII – XIV вв. и в первой половине XV в. на границы двух этих регионов. Это – Виленщина, Гродненщина, Минщина и соседнее Поднепровье».

Очень интересным является тот факт, что именно за территорией бывших княжеств Подвинья и Поднепровья – Полоцкого, Витебского, Смоленского, Друцкого и Свислочского – согласно местной традиции ВКЛ, в XVI в. устойчиво сохранялось название «Русь» (рядом с названиями других исторических регионов: Литвой, Полесьем, Волинью, Подляшьем), несмотря на тот факт, что славянское население этих частей государства также исповедовало «русскую» веру и самоидентифицировало себя русинами. Вероятно, объяснить причину отождествления большей части территории Западной Беларуси с названием «Литва», а Восточной с «Русью» можно только исходя из специфики их христианизации и этнического состава населения. Земли Восточной Беларуси были ранее освоены славянами и христианизированы в XI – XII вв., в то время как активизация восточнославянского колонизационного движения в Верхнем Понеманье зафиксирована приблизительно с конца X – начала XI в. Христианство здесь распространялось довольно медленно, в городах наиболее ранние вещи христианского культа датируются только второй половиной – концом XI в. В Новогрудке до конца XI в. не наблюдается никаких признаков христианства. Что уже говорить о деревенской окрестности, которая представляла собой балто-славянскую этническую чересполосицу.

Именно тут, на территории, которая в XVI в. очерчивалась хоронимом «Литва», появились первые католические костёлы в XIV в. для не ассимилированного балтского языческого населения. Поздняя христианизация,

таким образом, благоволила консервации племенной сознательности восточнославянского населения и значительно более длинному сохранению здесь этноконфессионализма «Кривичи», «Кривичская земля», как определяли территорию Верхнего Понеманья, Новогрудскую землю крестоносцы-хронисты ещё в XIV в. Можно согласиться с суждением, что устойчивое закрепление у средневековой белорусской традиции за регионом Восточной Беларуси названия «Русь» означало для современников её православную «чистоту» и этноконфессиональную однородность.

После монгольского нашествия и возникновения ВКЛ термин «Русь» начинает использоваться в качестве метаятнонима, самоназвания нескольких формировавшихся в то время восточнославянских народов. Однако наиважнейшим в этом процессе было как раз то обстоятельство, что именно только «своё» восточнославянское население постепенно начинает считаться «русским». Как показал в своих исследованиях Б. Флоря, в течение XIII – XV вв. на просторах бывшей Киевской Руси выразительно прослеживается тенденция отождествления своего политического образования со «всей Русской землёй». В результате развития этого процесса в XIV – XV вв. на севере Руси, а также и в ВКЛ, окончательно закрепилось представление, что только своё политическое образование отождествлялось со «всей Русской землёй», а население называлось «руси́нами», «русскими».

Во второй половине XV в. на наших землях закрепляются представления о том, что вся «Русь» находится в границах ВКЛ. В конце XV – начале XVI в. в источниках, созданных с ВКЛ, последовательно называют территорию тогдашнего российского государства «Москвой», а её население «москвитами». При этом, согласно представлениям восточнославянского (белорусско-украинского) населения, «вся Русь» была объединена именно в границах их государственного образования.

Таким образом, в XIV – XV вв. на всей территории Беларуси в качестве эндоэтнонима восточнославянским православным населением используется только термин «Русь» и производные от его понятия «русины», «русские». Такое самоназвание, как свидетельствуют источники, устойчиво закрепилось и на востоке, и на западе белорусской этнической территории. Нет никаких оснований для утверждений, что в это время в качестве этнического самоназвания (эндоэтнонима) старобелорусского населения Западной Беларуси использовался термин «литвины» или «литовцы».

В XVI – начале XVII в. происходят существенные изменения в этноконфессиональной самоидентификации элиты и Восточной, и Западной Беларуси. Если в предыдущее время русинское самосознание было неразрывно связано с православной традицией, то в эту эпоху мы выразительно видим существенные изменения в данном вопросе. Именно в это время происходит насыщение термина «русин» этническим содержанием в полном смысле этого слова, вырабатываются новые критерии самоидентичности, среди которых более важными становятся язык и этническое происхождение – «порода», «кровь», а не религиозная принадлежность. В это же время формируется концепция о существовании нескольких «русских» народов.

Показательно, что понимание того, что русин остаётся русинам и после смены конфессиональной принадлежности, впервые встречается в XVI в. на Полотчине, в окружения полоцкой интеллектуальной элиты.

Первым исторично известным нам «русинам» с такой ментальностью был Франциск Скорина. То, что Франциск Скорина был римо-католиком, сегодня воспринимается как бесспорный факт всеми серьёзными исследователями.

Как справедливо отметил Г. Голенченко, для Ф. Скорины более важными этническими маркерами были языковое, культурно-историческое единство, происхождение, общая территория. В сущности, это уже не этническая модель самоидентификации, а артикуляция именно национальной концепции бытия народа. Перед нами – модель этнокультурной, а не политической нации, модель па которой шли процессы нациообразования практически во всём нашем регионе, Восточно-Центральной Европе. Впервые она была озвученна в Чехии, когда в 1409 г. Иероним Пражский сформулировал три более важных признака, необходимые для существования народа: «*sanguis, lingua, fides*» («кровь, язык, вера»). В Европе прозвучали слова о «наисвятейшей общности чешской», как общность всех людей, от короля и архиепископа до простых жителей городов и деревень. Похожее в отношении старобелорусского этноса совершил на столетие позднее наш Первопечатник, правда, вторым в Европе... Скорее всего, идеи эти были сформулированные им именно под чешским влиянием.

Похоже выглядела ситуация и с представителями русинской знати, ставшими протестантами. Показательно в связи с этим и этническое самосознание второй знаковой фигуры белорусской культуры XVI в. – Василия Тяпинского. В предисловии к изданному им Евангелию он однозначно засвидетельствовал свою принадлежность к Руси и свою «русинскую» самоидентификацию. Для Василия Тяпинского более важным элементом самоидентичности, как и для Скорины, выступает язык.

В XVI в. статус старобелорусского языка определяется как официальный: язык государства, «власны, прирожены» «русский язык». В Статуте 1566 г. она противопоставленно как «свой» язык делопроизводства «другому» языку, под которым понимался польский. Ещё более выразительно подчёркнуто роль старобелорусского языка в качества символа коллективной самоидентичности в предисловии до Статута 1588 г., адресованной Львом Сапегой «Всим вобец станом» ВКЛ: «А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списаные маем».

Однако уже в XVI в. по социальному статусу и престижности старобеларуской «русчызны» был нанесён чувствительный удар. Связано это было с легендой о римском происхождении литвинов. В ей провозглашался тезис о том, что исконным – родным – языком литовцев была латынь. Соответственно, балтская элита ВКЛ требовала введения латыни в широкое употребление да обучения на «своём» языке детей. В итоге – старобеларуский язык начинает отодвигаться на второй план. Именно в XVI в. более престижным для записей документов в ВКЛ начинает считаться латинский язык.

Конец XVI – первая половина XVII в. стали временем триумфа польской культурной традиции, польский язык и латынь становились более важной отметкой принадлежности до элиты. Не в последнюю очередь такое положение

дел было связано с чрезвычайно эффективной системой иезуитского образования, издательской деятельностью костёла. Когда Остафий Волович в 1570-х гг. писал частные письма и хозяйственные распоряжения на «русчызне», как и Григорий Ходкевич и Константин Константинович Острожский, то знаменитый канцлер ВКЛ Лев Сапега в своей частной переписке использовал почти всегда только польский язык. Языковая ассимиляция широко затронула и православное духовенство, и знать, и мещанство.

Обострение религиозного противостояния после Берестейской церковной унии приводило к увеличению роли конфессионального фактора в национальном самосознании. Источники выразительно фиксируют убеждения и православных, и униатских полемистов в том, что смена восточного обряда на «латинство» приводит и к смене национальной принадлежности. Шляхтич, став рима- католиком, перестаёт быть русинам.

В результате массовой религиозной конверсии произошла двойная (ментальная и языковая) асимилиция русинской знати. Отныне на субэтническом уровне она начинает чувствовать себя литвинами, а на государственном – свою принадлежность к польской политической нации.

Принадлежность элиты ВКЛ к «политической нации» основывалась на единстве языка, культурной и правовой традиции всей элиты «Польши». Потому и употребление терминов «литвин», «поляк-караняж», «мазур» в условиях тогдашней (первая половина – середина XIX в.) шляхетской реальности никогда не использовалось их носителями для национального противопоставления; это названия региональные, субэтнические, так как все они – поляки и имеют единственную Отчизну – Польшу.

Эта ситуация имела очень грустные последствия в дальнейшем для процессов белорусского национального формирования. Беларуские «литвины» содействовали культурному беларускому накапливанию, но были убеждены, что эта история и культура не их, а чужого народа.

Факторы, повлиявшие на генезис и дальнейшее развитие.

Присоединив беларуские земли, Российская империя столкнулась с большими сложностями в их инкорпорации. Главной из них была полонизация. Надо признать, что почти вся высокая культура первой половины XIX в., созданная представителями местной знати, была вариантам польской культуры. Однако среди и православного, и католического, и униатского духовенства, в окружения мелкопоместной знати и мещанства Беларуси были те, кто поляками себя не считал ещё и в первой половине XIX в. Люди этого круга стремились развивать беларускую культуру, они ясно осознали, благодаря образованию, через изучение собственной исторической традиции, этнографии, фольклору, генеалогии, что их родина – Беларусь, а не Литва или Польша.

В 1810-е гг. в окружении элиты западных губерний Российской империи зарождается процесс, определённый как первая фаза конструирования современной беларуской нации: этнографический интерес к культуре и языку «простого народа», сбор и публикация его фольклора, а также попытки научной классификации «русского» канцелярского языка ВКЛ. Начало положила публикация М.Чарноцкой «О пережитках славянской мифологии, которые сохранились в обычаях сельской люда на Белой Руси» (1817) и этнографический

очерк И. Шидловского о свадебном обряде в Гайненском приходе Борисовского уезда (1819 г.). Обе эти работы, как и опубликованные вслед за ими в 1820-е – 1840-е гг. работы К. Фалютынского, А. Рыпинского, Я. Чечёта, Е. Тышкевича и прочих, печатались на польском языке. Для их авторов, в большинстве своей выходцев из местной католической знати, доминирующей региональной идентичностью была «литвинская», а в национальном смысле они были участниками процесса формирования современной польской нации.

Чрезвычайно существенной для возникновения будущей беларускости является деятельность Зориана Доленги-Ходаковского. Именно Адам Чарноцкий (Зориан Доленга-Ходаковский) первым распространил ареал белорусского языка на территорию от Подляшья до востока Смоленщины, на всё Полесье, на севере до Вильно, Пскова и Великого Новгорода. З. Доленга-Ходаковский – пионер славяноведения, который призывал к активной смене существовавшей при его жизни этно-политической ситуации.

В окружения российских националистов, которые отрицают современную беларускую государственность, очень популярный тезис о том, что беларусы «придуманы» поляками в целях развала Российской империи. Данные утверждения тенденциозны и лживы. На самом деле в Российской империи, абсолютно легально, российскими учёными, а затем и беларусами, которые получили образование в российских университетах, было начато изучение белорусского языка, литературы и истории.

После подавления восстания 1830–1831 гг. процессы колонизации были приостановлены, а после восстания 1863–1864 гг. доминирование имперской традиции стало подавляющим по всем направлениям. При этом, «простой» беларуский люд, крестьяне, русификацией были затронуты минимально. Языковой русификации препятствовало отсутствие земских школ в Беларуси и малограмотность большей части белорусского населения.

Поражение восстания 1863–1864 гг. было знаковой, наиболее важной для нас, белоруссов, вехой в нашем, беларуском, нациогенезе.

Классик западнорусской историографии М. Коялович создаёт образ Беларуси как угнетённой поляками земли. Ему надлежать и пальма первенства в научном определении территории Беларуси, создание концепции, что Беларусь «там, где есть беларуский язык» – так он говорил в своих «Лекциях по истории Западной России». Именно беларуская православная интеллигенция западнорусского типа утверждала, что этнографическим грабежам предъявляются попытки отдавать католиков полякам по причине их конфессиональной принадлежности. Общность языка, материальной культуры, территории, исторической судьбы как национальные признаки белоруссов – это всё постулировалось именно западнорусами. Западнорусизм подготовил концепцию большого исторического прошлого Беларуси, дал все необходимые научные аргументы. Оставалось только прочитать их в национальных, а не региональных, категориях. В ходе дальнейшего изучения молодым поколением беларуской интеллигенции своей страны, контактов с украинским национальным движением, знакомства с идеями федерализма, укреплялось их убеждение о необходимости создания белорусского политического движения, беларуской политической субъектности.

В начале 1880-х гг. представители белорусской интеллигенции утверждают сам факт существования своего народа и заявляют его права на государственность в виде федерации с Россией. Речь шла о государственности именно Беларуси, а не Великого Княжества Литовского или Речи Посполитой. Это был первый шаг, который свидетельствовал о рождении современной белорусской нации.

Именно в российском политическом дискурсе были сформулированы идеи, какие более существенным чином повлияли на белорусскую политическую программу от «Гомана» до «Нашей нивы» и Белорусской социалистической громады: самобытность белорусской нации плюс федерализм в составе Российской империи.

Идеи о самобытности белорусской нации развивались у жестокой конфронтации с польской элитой Беларуси, которая видела в белорусском движении только российскую интригу против «польскости» на «крессах».

В 1917 г. Вацлав Ластовский впервые заговорил о возможности создания независимого белорусского государства, а всего через год была сделана попытка её провозглашения в форме Белорусской Народной Республики. Прямым её следствием стало создание у начала 1919 г. Белорусской Советской Социалистической Республики, которая в 1920 г. была восстановлена и с того времени существовала непрерывно, оказавшись у числа инициаторов создания СССР и затем его роспуска, а также среди стран-основательниц ООН. Многолетнее существование БССР создало окончательные условия для оформления современной белорусской нации и независимого государства – Республики Беларусь.

Белорусы в мире, диаспора.

По сведениям Организации Объединенных Наций за пределами Беларуси проживает порядка 1,5 млн. белорусов в 55 странах мира. Значительная часть проживает на землях своих предков, которые по разным причинам оказались вне политических границ Республики Беларусь. Помимо этого диаспора формировалась за счёт эмиграции.

Е. Колубович проанализировал основные волны эмиграции, насчитав 8 волн до 1944 года.

Так он утверждал, что до конца XVIII в. белорусские эмигранты – редкие одиночные лица. Поскольку Великое Княжество Литовское давало гарантию свободного выезда за границу «для набытья лепшого шчастья своего и навченья... до всяких земель чужих, кром неприятелей наших». Соответственно, можно было и свободно возвращаться назад.

Одним из первых эмигрантов называют основателя книгопечатания в Лондоне Ивана Литвина. Последний в 1480 году издал индульгенции папы Сикста IV и другие книги. В ряду эмигрантов этой первой волны Ф. Скорина, Илья Копиевич и др.

Массовые волны политической белорусской эмиграции начались с конца XVIII в. (трёх разделов Речи Посполитой), восстания 1794 года, наполеоновской войны 1812 года, восстаний 1831 и 1863–1864 годов, революции 1917 года и падения БНР, национального, политического и

религиозного преследования разных групп.

Среди эмигрантов этих волн: М.К. Огинский, К. Прозар, К. Сапега, Т. Косцюшка, Н. Орда, А. Рыпинский, М. Волович, И. Домейка и многие другие.

Экономическими причинами была вызвана эмиграция с территории Западной Беларуси в период её вхождения в состав Польского государства с 1921 по 1939 год.

В современный период эмигранты и их потомки, проживающие вне своей Родины – Беларуси, входят в Объединение белорусов мира «Отечество» («Бацькаўшчына»).

Белая Русь - Белоруссия - Беларусь. Версии происхождения названия.

Наиболее раннее упоминание «Белой Руси», известное на сегодняшний день, помещено в латиноязычном «Начале описания земель» в Дублинской рукописи. Время создания источника датируется в границах между 1255 и 1260 гг. Неизвестный автор «Описания земель» был духовным лицом, католическим миссионером, который проповедовал в Восточной Европе и хорошо знал её географию. Согласно его слов он даже участвовал в крещении и коронации Миндовга. Точка зрения исследователей насчёт локализации упомянутой в источнике Белой Руси разделилась. Одни из них видят в этом сообщении регион современной Восточной Центральной или Беларуси, другие же соотносят её локализацию с землями Великого Новгорода.

Первое упоминание Белой Руси, которая относится к современной территории нашей страны фиксируется в «Хронике Польши» подканцлера Яна из Чарногова под 1382 г.

Однако в течение всего XIV – XV вв. термин «Белая Русь» был «блуждающим». Как показал Алесь Белый, очень часто он относился в то время к Новгороду и Пскову. Большинство сообщений принадлежать иностранцам и помещены в латинских трактатах и немецкоязычных источниках.

Мартин Кромер употреблял название Белая Русь в отношении к территории нашей страны. В первом издании «Истории поляков», датированной 1558 г., под этим термином им понимается вся Русь Литовская. В 1575 г. Кромер подготовил и выдал во Франкфурте на Одере историко-географический справочник под названием «Польша, или о положении, народах, обычаях, управлении и государственном строе Польского Королевства». У этой работы «Белая Русь» – «русские» земли ВКЛ, Смоленщина, южные части Новгородчины и Псковщины – земли в верховьях рек Большая, Ловать, Днепр и Двина, потерянные ВКЛ в 1486–1537 гг.

Очень важным для возникновения собственно белорусской идентичности было закрепление «блуждающего» понятия «Белая Русь» (Alba Russia) за конкретной территорией – одним из регионов ВКЛ, который ранее назывался «Русью» в узком смысле (северо-восточная половина современной Беларуси). Это произошло после Люблинской унии 1569 г. Первые случаи использования

термина «Белая Русь» в таком смысле датируются началам 1580-х гг. Полоцк стал первым городом ВКЛ, к которому начали прочно привязывать локализацию Белой Руси в то время. При чём, что важно, это делали широкие слои местного общества. Таким образом, название «Белая Русь» закрепилось за современной Северо-Восточной частью Беларуси, прежде всего за Полотчиной.

Тогда же в польскоязычной хронике Матвея Стрыйковского появляется термин «литовские беларусакі» (Biełorussacy litewscy), в старобеларуском переводе переданный как «белорусцы». М. Стрыйковский первым употребил термин «беларусы» в смысле, чрезвычайно близким к современному. Николай Улащик подчеркнул, что эти «Biełorussacy litewscy» – прообраз современных белоруссов, если учесть, что границы Литвы после Люблинской унии в основном совпадали с границами современной Беларуси (в особенности с границами с Россией и Украиной).

В 1586 г. выходец из полоцкой знати поэт Соломон Рысинский, на тот момент протестант, (1565?—1625 гг.) при поступлении в университет Германии 2 декабря 1586 г. помечает своё происхождение изобретённым, пожалуй, им самим греко-славянским гибридом «Leucorussus» («Беларус»), что можно вслед за О. Латышонком считать первым сознательным определением белорусской самоидентификации. Позднее, в письме к немецкому правоведу Конраду Рытэрсхаўзену от 15 ноября 1588 г. Рысинский назвал свою родину «Леўкарусійй». Ещё раз Рысинский упоминает белоруссов в своих комментариях, когда он сравнивает грамматику разных языков и пишет, что «притяжательное прилагательное» ещё и сегодня употребляют «Московиты, Беларусы и значительная часть Литвинов».

Со второго десятилетия XVII в. связано устойчивое отождествление местным населением региона Белорусского Подвинья и Поднепровья – «Руси» XVI в., с «Белой Русью». Причём, анализ письменных источников позволяет с уверенностью утверждать, что в письменных источниках того времени, созданных у местной, беларуской и украинской традиции, начиная с 1619 г., под «Белой Русью» всегда понимается только регион Белорусского Подвинья и Поднепровья. То ли дело, что у местной традиции этот термин ещё не имел выразительного этнического наполнения. Белая Русь в памятниках полемической литературы не более и не менее как провинция, территориальный регион, тождественный исторической Литве, в котором проживает «русский народ».

Для носителей великорусской этничности характерным было распространение термина «белорусец» и «белорусское письмо» на весь восточнославянский православный массив населения Речи Посполитой.

Магистратские книги Могилёва середины – второй половины XVII в. содержат упоминания об использовании термина «Белая Русь» в местной традиции. Под «Белой Русью» в магистратских книгах всегда понимается регион Белорусского Поднепровья и Подвинья; этот термин тесно связанный с православной традицией: именно моголиёвского православного епископа называют «беларуским», как и территорию его епископства.

Понятия «белорусец», «белорусский язык» имели этническое наполнение в первую очередь для представителей «московской» стороны, какие таким

образом выразительно осознавали свою этнокультурную и политическую отличительность от православного населения Речи Посполитой. Соответственно, в Речи Посполитой сложилось представление о том, что русский народ живёт на её территории, а за границей проживает родственный ему московский народ. У «москвитов», также считавших себя русским народом, существовало наименование «беларусы», под которым подразумевалось всё восточнославянское население Речи Посполитой.

Необходимо указать и на попытки расширения названия «Белая Русь» на всю территорию Беларуси, в том числе на западную часть нашей страны, которая в то время обычно обозначалась хоронимом «Литва». Так Л. Крышковский, известный деятель Реформации в ВКЛ, в собственноручной записи, датированной 1602 г., называет Новогрудок «столицей Белой Руси».

Шимон Старовольский у своей работе «Польша» (1632 г.) также включил Новогрудское и Менское воеводства в состав «Белой Руси».

О. Латышонок обратил внимание на факт существования в Речи Посполитой в 1775 г. Белорусского департамента Образовательной комиссии, в состав которого входили Менское, Новогрудское, Полоцкое и Берестейское воеводства.

Как видим, уже в эпоху Речи Посполитой наблюдается «дрейф» названия «Белая Русь» на всю современную территорию страны, в том числе и на её Западную и Южную части, которые традиционно очерчивались хоронимами «Литва» и «Полесье».

Можно согласиться с белоруским исследователем А. Белым, что на момент разделов Речи Посполитой название «Белая Русь» применяли или к территории Восточной Беларуси, не включая в её Менское, Новогрудское и Берестейское воеводства, или к большей части территории современной Беларуси.